ные признаки слияния двух слов в одно; неслучайно в коми литературном языке они пишутся слитно.

В целом ряде случаев трудно установить — композита это или же свободное словосочетание подчинительного типа, например, *kört туй* «железная дорога», *kört тув* «вездь» (буквально «железная втулка»), *kört зыр* «заступ» (буквально «железная допата») и др. Такие слова (а их

очень много) все же тяготеют к свободным словосочетаниям; одно время они писались слитно, теперь в коми языке принято раздельное их написание.

В заключение следует признать, что труд И. Батори является прекрасным исследованием важной и почти неизученной проблемы лексикологии пермских языков.

В. И. Лыткин

W. Fletscher. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache.—Leipzig, VEB Bibliographisches Institut, 1969. 327 стр.

Книга В. Флейшера «Словообразование современного немецкого языка» представляет собой, среди имеющихся в нашем распоряжении работ, наиболее подробное и тщательное описание словообразования современного немецкого языка с синхронной точки зрения. Именно синхронный подход отличает рецензируемую книгу от известной работы В. Хенцена «Немецкое словообразование»¹, в значительной степени продолжающей традиции младограмматиков, в первую очередь в отношении диахронической направленности, хотя ее автор, по его собственному заявлению, и стремился создать «более современное руководство»². За последние годы в отечественной и зарубежной германистике появилось немало исследований, посвященных отдельным вопросам словообразования, как и соответствующих разделов в книгах по грамматике и по лексикологии³. Большинство современных работ имеют четко выраженную синхронную направленность, однако не представляют так полно и подробно, как рецензируемая книга, систему современного немецкого словообразования в целом. Именно две черты: синхронное освещение системы словообразования и его полнота характеризуют работу В. Флейшера. Нельзя не отметить, что синхронный план описания не исключает рассмотрения данного среза как итога предшествующего развития: автор книги — тонкий историк языка — с большим тактом, не сходя с позиций синхронии, приводит отдельные исторические справки там, где это является необходимым для понимания современного состояния сис-

темы. Следующим моментом, на котором следует остановиться, является широкая осведомленность автора в отношении современных трудов, в той или иной степени связанных с теорией словообразования: имеются в виду труды как немецких авторов, так и ученых других стран, в первую очередь СССР. С этой точки зрения рецензируемая книга является полезным руководством, знакомящим читателя с широким кругом работ. Следует указать и на то, что книга В. Флейшера, имеющая в большой степени описательный характер, отражает и ряд теоретических положений автора, подчас спорных (см. ниже), но проводимых им с достаточной последовательностью. Методика исследования представляет собой разумное использование отдельных приемов современного лингвистического анализа; в то же время в книге можно найти ряд положений классической немецкой грамматики, не потерявших значения до сих пор.

Работа В. Флейшера не может быть отнесена к числу структуральных, однако основой словообразовательного анализа в ней является членение основ на непосредственно составляющие, сопоставляемое с морфемным анализом и противопоставляемое ему; применяются, далее, методы дистрибуции и субституции и, частично, трансформационный анализ, в плане преобразования лексических единиц в синтаксические структуры. Значительное место в книге занимает применение таких понятий функциональной грамматики, как оппозиция (отдельных словообразовательных моделей и средств, что находит отражение в интересных таблицах — см. ниже), позиционные варианты и др. С другой стороны, справедливо критикуя методологические основы «словообразования, ориентированного на содержание», западногерманских ученых (в первую очередь Л. Вейсгербера), В. Флейшер признает возможность использования отдельных положений этой теории (стр. 20). В дальнейшем, проводя фактический анализ, автор исходит при внутренней классификации моделей в.

¹ W. Henzen, Deutsche Wortbildung, Halle — Saale, 1947; 2-te Aufl. — Tübingen, 1957; 3-te Aufl. — Tübingen, 1965.

² W. Henzen, указ. соч., 1947, стр. VII.

³ См. также: М. Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка, М., 1953.

первую очередь из морфологической характеристики производящих основ, а не из семантики «словарных ниш» Л. Вейсгербера (применяя семантический анализ, принятый в классической грамматике). Однако некоторые из его интересных таблиц, суммирующих итоги отдельных типов словопроизводства, фактически отражают принцип выделения «словарных блоков» («Wortstände») в их несколько суженном понимании (стр. 182—183: обзорные таблицы № 4 и № 5 «Семантические группы эксплицитных производных»; стр. 307: обзорная таблица № 9 «Семантические группы глагольных префиксальных образований»). Справедливо отмечает, что отдельные положения классической теории словообразования должны быть пересмотрены (например, выделение «посессивных сложений» как третьего типа наряду с определительным и сочинительным, в то время как они на основе отношений между компонентами должны быть отнесены к определительному типу — стр. 51, 98), другие уточнены [как, например, понятие сдвига («Zusammenrückung»); стр. 57] и отвергая некоторые термины, например «полносложные» и «неполносложные» соединения — «eigentliche», «uneigentliche Zusammensetzungen» как нецелесообразные в синхронном плане, автор в то же время частично сохраняет не только некоторые традиционные понятия и классификации, но и традиционную методику изложения, а именно рассмотрению словообразования применительно к отдельным частям речи, способов и средств словообразования, исходя из морфологической принадлежности первичных основ и т. д. Не случайно книга изобилует ссылками, наряду с трудами современных германистов, на классические труды Г. Пауля, О. Бехагеля, В. Вильманса. Однако сказанное выше не должно служить основанием для мнения об эклектичности данной книги. Речь здесь не об эклектизме, а об использовании положительных сторон научного наследия наряду с достижениями современной научной мысли в ее различных преломлениях.

Давая общую оценку книги В. Флейшера, следует отметить еще некоторые характеризующие ее черты. Во-первых, все теоретические положения иллюстрированы богатым материалом современной лексикологии, включая неологизмы и писательские окказионализмы, что придает книге особую ценность, в частности, для читателя не немца. Во-вторых, больше, чем в какой-либо другой работе, посвященной общим вопросам словообразования, в ней учтены стилистические особенности исследуемых моделей и средств (главным образом с точки зрения их экспрессивного эффекта). В-третьих, значительный интерес представляют вносенные в текст 12 «Обзорных таблиц», наглядно представляющих: дистрибуцию некоторых словообразовательных суффиксов (стр. 141), струк-

турные модели отглагольных существительных (стр. 159), употребление уменьшительных суффиксов в беллетристике (стр. 165), семантические группы некоторых производных (стр. 182, 183, 307), отадъективные существительные (стр. 195), некоторые системные семантические оппозиции (стр. 261), синонимно словообразовательных средств (стр. 262, 308), антонимию глагольных префиксальных образований (стр. 309), статистические данные об употреблении глагольных префиксов (стр. 310).

Естественно, что такой большой и в значительной степени оригинальный труд, как рецензируемая книга, не может не содержать отдельных спорных положений, как и не уточненных до конца трактовок. Спорными, с моей точки зрения, являются: рассмотрение префиксации вне системы словопроизводства как самостоятельного способа словообразования; характер трактовки «имплицитного» словопроизводства; суженное определение понятия «сдвига» («Zusammenrückung»); попытка разграничения компонентов сложных слов и соотносимых с самостоятельными словами суффиксов и префиксов (до сих пор неразрешенная проблема «полуаффикса»).

Исключение префиксации из системы словопроизводства традиционно в немецкой специальной литературе со времени Я. Гримма, что связано с разными причинами. Для Я. Гримма, как и для младограмматиков, при ведущем принципе историзма важно было то, что префиксы, как правило, восходят к самостоятельным лексическим единицам, что давало основание идентифицировать префиксацию и словосложение; в то же время, по мнению Я. Гримма, словопроизводительный элемент может находиться только в конце слова. Того же мнения придерживается в первом издании «Немецкого словообразования» В. Хенцен, с некоторой терминологической дифференциацией: префиксальные слова он называет «Präfixkomposita». Во втором и третьем изданиях книги префиксация выведена из словосложения вследствие «подчинения исторической точки зрения по отношению к функциональной»⁴. Однако к словопроизводству она не отнесена (как и в ряде других работ современных немецких ученых) в связи с тем, что префикс, как правило, не обладает способностью переводить слова из одного класса в другой. В то же время В. Хенцен считает, что с большим основанием можно отнести к производным отглагольные имена с префиксом *ge-* (типа *Geflüster*) и «вербализацию» именных основ при помощи префикса (типа *beflügeln*)⁵. В. Флейшер также не отно-

⁴ W. H e n z e n, указ. соч., 1957, предисловие.

⁵ W. H e n z e n, указ. соч., 1965, стр. 34.

сит префиксацию к словопроизводству, несмотря на ряд выявляемых им сходных черт между префиксом и суффиксом (стр. 71—73), по следующим причинам: 1) префикс не обладает способностью определять часть речи; 2) один и тот же префикс может встречаться в составе разных частей речи (например, *Mißklang* — *mißliebig* — *mißhandeln*); 3) префиксы могут быть ударными и неударными в противоположность, как правило, не несущим главного ударения суффиксам (стр. 74). Эти критерии не представляются убедительными. Именные и глагольные префиксы четко различимы и не каждый префикс встречается в составе разных частей речи, в то время как отдельные суффиксы могут оформлять, например, глаголы и имена — ср. *-ig*, *-er*, *-el*; глагольные истинные префиксы — несвободные морфемы — *be-*, *ge-*, *ent-*, *emp-*, *ver-*, *zer-*, *er-* и именной префикс *ge-* неударны. Следует отметить, что отрицание классифицирующей роли префикса, как и его способности переводить одну часть речи в другую, автор связывает с тем, что инфинитивный суффикс *-en* он рассматривает как слово-, а не формообразующий; тем самым отыменные префиксальные глаголы (типа *verarzen*) оказываются гибридными префиксально-суффиксальными образованиями типа *Gebirge* (стр. 74, см. также разделы, посвященные глагольному словообразованию, особенно стр. 294—301). Отнесение инфинитивного суффикса к словообразовательным не представляется оправданным в синхронном плане, поскольку он является показателем только одной грамматической формы и отпадает во всех остальных вариантах глагольной парадигмы. В этом отношении следует присоединиться к мнению В. М. Жирмунского, считающего, что инфинитив является лишь «удобным представителем» системы и что «с точки зрения морфологической ни *nucamb*, ни *schreiben*, ни *écrire* не являются исходной формой для глагольного спряжения. От них отличается англ. *write*, лишенное флексивных показателей, оно совпадает по своей форме с чистой основой (корнем слова)»⁶. Словообразовательный же аффикс входит в «чистую основу», а не является показателем грамматической формы подобно *-en* у инфинитива. Глагольные префиксы, наоборот, являются словообразовательными показателями класса глаголов⁷. Тем самым должно быть, в противоположность мнению В. Флейшера (стр.

285), закономерно выделено «имплицитное» глагольное словообразование. Следует отметить, что в рецензируемой книге имеются оговорки: надо различать суффиксальное словопроизводство при участии *-en* и при участии «расширенных» (т. е. подлинно словообразовательных. — М. С.) суффиксов (стр. 286).

Термин «имплицитное» словопроизводство мне представляется более удачным, чем «морфолого-синтаксический способ словообразования», «безаффиксное словопроизводство», «деривация без явных суффиксов» и другие термины, имеющие хождение в современной специальной литературе. Однако его трактовка в рецензируемой книге не полностью соответствует синхронному плану исследования. В. Флейшер правильно ставит вопрос о том, что словообразование следует рассматривать и как процесс, и как результат процесса (стр. 17). Если практически, при описании разных способов словообразования, автор все же заметно отдает предпочтение первому (процессуальному) аспекту, что объясняется влиянием твердо установившейся традиции, особенно в германистике, то при трактовке имплицитного словообразования второй аспект как бы совсем затухает, поскольку все время делается упор на происхождение одного слова от другого. Между тем в синхронном плане как раз решение этого вопроса связано с трудностями: приходится принимать то или иное положение условно. Так, в рецензируемой книге все бесуффиксные существительные, относимые к глагольным основам, рассматриваются как производные от сильных или слабых глаголов и как мотивированные значением глагола (стр. 187—188). Не останавливаясь на этимологии, в ряде случаев расходящейся с такой трактовкой, следует указать на известную произвольность такого толкования и в плане синхронии: во всяком случае мотивированность здесь обоюдна (например, можно считать, что *Lob* мотивировано значением процесса, выраженного глаголом *loben*, а глагол *loben* значением абстрактного имени *Lob*). В синхронном плане могут быть выделены некоторые релевантные признаки имплицитного словопроизводства, как-то: внутрениая флексия (умлаут и аблаут), сохранение парадигмы производящего имени (при субстантивации прилагательных и причастий). Однако во всех случаях целесообразным представляется рассмотрение явления, именуемого в рецензируемой книге «имплицитным словообразованием», как функционирования одной и той же основы (алломорфность не нарушает ее тождества) в условиях разной — морфологической и синтаксической — дистрибуции, что сопровождается и соответствующими сдвигами как категорильного значения части речи, так и более частных оттенков соответствующего лексическо-

⁶ В. М. Жирмунский, О границах слова, сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963, стр. 20—21.

⁷ Ср. понятие «вербализации при участии префиксов» (В. Непзеп, указ. соч., 1965, стр. 234—237).

го значения⁸. Иной вопрос — это переход в другую часть речи той или иной грамматической формы (в том числе субстантивация инфинитива), когда соответствующий грамматический формат включается в лексическую основу другой части речи, что является релевантным признаком производности последней. В этой связи следует признать и некоторую неясность трактовки «конверсии» в рецензируемой книге, где она понимается как безаффиксное образование узуальных, устойчивых единиц, включая субстантивацию инфинитива (стр. 70—71). В англистике под «конверсией» понимается взаимопереход основ, когда словообразовательным средством служат только парадигма слова⁹. Частично к этому мнению присоединяется В. Хенцен, называющий конверсией переход слова в другой класс «в нормальной форме»¹⁰ (последняя может быть понята именно как «основа»).

Выше говорилось, что автор справедливо указывает на необходимость уточнения ряда понятий, в частности понятия «сдвига», которое в современной литературе получает самую разнообразную, иногда (например, у В. Хенцена) весьма широкую трактовку. С точки зрения В. Флейшера, сдвигом является такое сложное слово, вторая НС которого относится не к той части речи, к которой принадлежит целое; ср. так называемые слова-предложения типа *Nimmersatt* или наречия типа *meistenteils* (стр. 58; а также соответствующие разделы, в которых рассматривается словосложение существительных и наречий). Такое толкование «сдвига» представляется неполным, хотя названные типы соединения бесспорно относятся к сдвигам. Более правильным следует считать выделение «сдвигов» на основе их формального соотношения с синтаксическими словосоединениями, что именно и имел в виду О. Бехагель, который один из первых попытался теоретически обосновать выделение данного понятия и рассматривал сдвиги как совершенно свободные объединения в одно целое слов, часто находящихся в предложении в

непосредственном соседстве, без какого-либо изменения отношений между ними и отношений с соседними частями предложения. К сдвигам О. Бехагель относит сложные глаголы, сложные наречия, сложные числительные; «сдвиги» могут в дальнейшем перейти в обычные сложные слова, если изменяется их положение в предложении, ср. *ein Helfgott, das Einmaleins, der Springinsfeld*; однако и эти соединения отличаются от огромного числа сложных слов, представляющих собой простое соединение основ¹¹. Оставляя в стороне случаи перехода сдвига в обычное сложное слово в истории немецкого языка, следует, безусловно, выделить такие соединения, безусловно, выделить такие соединения, которые по форме и порядку следования НС ничем (если не считать особенностей расположения ударений) не отличаются в плане синхронии от синтаксических конструкций. К таким соединениям «сдвигам», в отличие от простого соположения основ, можно отнести сложные глаголы типа *zurückkommen, zugrundelegen, teilnehmen*, сложные существительные типа *Langeweile, Feinsliebchen* (они малочисленны); копулятивные сложения типа *Dichter-Komponist, taubstumm*; все сложные наречия, сложные числительные типа *zweiundzwanzig*.

Естественно, что наиболее спорной проблемой словообразования остается по настоящее время проблема так называемого «полуаффикса» — понятия, которое нашло широкое применение в советской германистике и англистике¹². В Флейшере признает ряд моментов, способствующих выделению данного словообразовательного элемента: постепенность перехода от компонента сложного слова к суффиксу; нечеткость границ в ряде случаев между «свободными» и «несвободными» морфемами; наличие широкой «переходной зоны» между теми и другими (стр. 63—66). Однако при рассмотрении конкретных словообразовательных элементов отдельных частей речи он придерживается более традиционного взгляда на их деление на компоненты, уже превратившиеся в аффиксы, и на обычные ком-

⁸ См. по данному вопросу: М. Д. Степанова, Вопросы лексико-грамматического тождества (На материале современного немецкого языка), ВЯ, 1967, 2, стр. 94—97; е е же, Методы синхронного анализа лексики (На материале современного немецкого языка), М., 1968, § 30. Частично сходную трактовку мы находим и в рецензируемой книге, когда речь идет о сосуществовании омонимичных форм, например, существительное — прилагательное (стр. 70—71).

⁹ См., например: А. И. Смирнички й. Лексикология английского языка, М., 1956, стр. 71.

¹⁰ W. Henzen, указ. соч., 1965, стр. 245.

¹¹ O. Behagel, Die deutsche Sprache, Halle (Saale), 1954, стр. 198—199. Ср. сходное толкование «сдвигов» у В. М. Жирмунского (которому и принадлежит данный перевод термина «Zusammenrückung» на русский язык): «Синтаксические сдвиги возникают в результате смыслового объединения и обособления словосочетания. Ср. в новонемецком: *Langeweile, achtgeben, fünfundzwanzig, indem, insbesondere* (В. М. Жирмунский, История немецкого языка, М., 1965, стр. 354).

¹² См. также понятие и термин «semi-suffixes» в кн.: H. Marchand, The categories and types of present-day English word-formation, Wiesbaden, 1960, стр. 290—293.

поненты. При этом критерии омонимии, должностные определить соответствующую границу, фактически не раскрыты, и многие случаи представляются спорными. Так, например, у существительных выделены в качестве «мелодных суффиксов» *-gut*, *-werk*, *-zeug* и *-wesen*, в то время как собственные имена *-hans*, *-fritze* и т. д. рассматриваются как компоненты (стр. 160—163), хотя сдвиг значения у собственных имен в данном случае еще более значителен, чем у *-werk*, *-zeug* и *-wesen*. В качестве «префиксов с омонимичными свободными частицами» рассматриваются *ab-*, *an-*, *im-* и др., безусловно, сохранившие семантическую связь с соответствующими предложениями (стр. 204—207). У прилагательных в качестве суффикса фигурирует, например *-los* (стр. 249—250), несмотря на его семантическую соотнесенность с прилагательным *los* «свободившийся, оторвавшийся от чужого» (ср. *sorgenlos* и *er ist die Sorgen los*), а его синонимы *-frei*, и *-leer* отнесены к переходной зоне (стр. 254) и т. д. То же касается префиксов прилагательных, омонимичных свободным существительным и прилагательным, *hoch-*, *haupt-* и др., которые рассматриваются наравне с *erz-*, этимологическим и полным семантическим омонимом существительного *Erz* «руда» (стр. 265—266), «глагольных префиксов, омонимичных свободным морфемам» (речь идет об элементах, соотносимых с предложениями и сохранивших в большинстве случаев частичную семантическую связь с ними — см. стр. 302—306) и некоторых других словообразовательных элементов. Следует, безусловно, согласиться с автором в том, что «полуаффиксы», неоднородны в отношении своих семантических связей со свободными лексическими единицами и что, безусловно, могут быть выделены некоторые полные омонимы, действительно ставшие аффиксами, но факты омонимии должны быть широко проверены объективными критериями (в том числе путем компонентного анализа и анализа дистрибутивных связей); при этом факт существования омонимов отнюдь не означает отрицания того, что существует «переходная зона» (по выражению В. Флейшера), т. е. фактически зона «полуаффиксов». Их показателями все же следует считать серийность, полное формальное и частичное семантическое соприкосновение со свободными основами.

Следует остановиться еще на некоторых моментах, которые, как представляется, могли бы быть раскрыты более полно. Так, В. Флейшер поднимает очень интересный вопрос о соотношении продуктивных — непродуктивных средств словообразования и их частотности и предлагает «трехслойное» деление словообразовательных типов: продуктивные (т. е. такие, по образцу которых образуется большое число слов — количественный

критерий); активные (т. е. такие, по образцу которых еще могут быть образованы единичные, но понятные слова); непродуктивные (т. е. не являющиеся образцом новообразований: это деление применяется при анализе производных частей речи). Однако остается неясным, как определить принадлежность словообразовательного типа к той или иной категории, какую роль при этом играет статистический принцип анализа; не рассматривается также соотношение частотности и продуктивности — непродуктивности¹³. Следующий момент — это вопрос семантики словосочетаний. В рецензируемой работе ему уделено значительно больше внимания, чем в других работах немецких авторов. Речь идет об отношениях между НС, которые автор называет «синтагматическим внутренним структурным отношением» (стр. 77), о семантическом согласовании между ними (там же), т. е. о мотивированности (данное понятие является фактически основой рассмотрения не только сложных, но и производных слов на протяжении всей книги) и о явлении «демотивации», т. е. идиоматизации (как сложных, так и производных слов). Однако, как представляется, можно было бы более подробно остановиться, во-первых, на трансформационных моделях отдельных типов словосложения, образующих в ряде случаев определенные системы, во-вторых, на эквивалентности полностью неидиоматичных сложных слов и соответствующих словосочетаний типа: *Am Mittwochmorgen* (L. Feuchtwanger); ср. у него же: *Am Morgen des Sonntags*; *Lillys Sofaplatz* (H. Sudermann) — ср. возможное *Lillys Platz auf dem Sofa*; *Übelkeitsgefühl*, *Angstgefühl* (St. Zweig) и у него же — *Gefühl der Scham*; *Die Fäden der Spannung* и *die Spannungsfäden* (St. Heym); *mit Öl getränkte Lappen*; *ölgetränkte Lappen* (Feuchtwanger); ср. далее, такие общепотребительные слова, как *Angstgefühl*, *Wohnungsaustausch*, *Briefmarkenverkauf* и т. д., полностью эквивалентные свободным словосочетаниям. Подобные структуры, свидетельствующие о чисто синтаксической функции словосложения, характеризуют современный немецкий язык в противоположность другим современным европейским языкам и представляют особый интерес для читателя не немца¹⁴.

¹³ Собственно именно этот момент я и имела в виду в работе, на которую указывает автор на стр. 67, примеч. 268. Тот же вопрос ставил А. И. Смирницкий, справедливо отмечавший, что продуктивность и частотность необязательно совпадают (см.: А. И. Смирницкий, указ. соч., стр. 106).

¹⁴ На возможность развития такой тенденции в немецком языке указывал в свое время М. Бреаль, сопоставивший его в этом плане с санскритом, где словосло-

Возможно, что эта особенность современного немецкого языка объясняет употребление грамматически несоответствующих словосочетаний с атрибутом, относящимся к первому компоненту определительных существительных типа *Das Rückkehrproblem aus dem Kosmos*, которые как неправильные отвергает автор (стр. 56). Между тем такие словосочетания все чаще и чаще встречаются в современной художественной литературе [ср. *der Trauminhalt seiner Schüler* (L. Frank) — вместо *der Inhalt der Träume seiner Schüler*; *der Flügelschlag eines Vogels* (J. Petersen) вместо *der Schlag der Flügel eines Vogels*; *das Veröffentlichungsdatum seines Buches* (St. Neym) вместо *das Datum der Veröffentlichung seines Buches* и т. д.], не говоря уже о том, что подобные словосочетания с притяжательным местоимением, как-то: *meine Wohnungstür*, *unsere Meinungsverschiedenheit*, *ihre Mundwinkel* и т. д., воспринимаются почти как норма.

Не ограничиваясь выявлением принципиальных особенностей рецензируемой книги, я считаю нужным кратко осветить ее фактическое содержание, чтобы читатель мог получить достаточно четкое представление о том, какие сведения он может из нее почерпнуть. Книга состоит из предисловия, освещающего ее основные задачи, и пяти частей. Первая часть (стр. 9—77) носит название «Основные положения и понятия» и включает сведения о сущности словообразования, о месте словообразования в теории языка, о словообразовательных единицах, моделях и средствах. Эта часть, сравнительно небольшая по объему, имеет сугубо теоретический характер: в ней раскрыты основные проблемы словообразования, имеется большое число ссылок на работы немецких и других ученых (в том числе ученых СССР), а также высказываются основные теоретические положения автора, реализуемые в дальнейшем при описании конкретного материала. Здесь же говорится о современных методах лингвистического исследования и возможностях их применения при словообразовательном анализе. Наиболее существенным является последний раздел первой части: в нем раскрывается понятие словообразовательной модели (в смысле англ. «*pattern*», т. е. типовой структуры), а также характеризуются основные способы словообразования, как и их отдельные виды. Четыре остальные части включают описание словообразования основных частей речи (существительного, прилагательного, наречия и глагола) и построены по общей

схеме: рассматриваются характерные для данной части речи, с точки зрения автора, способы словообразования: для существительного (стр. 77—217) — словосложение, эксплицитное и имплицитное словопроизводство, префиксация, сокращения и «особые виды словообразования»; для прилагательного (стр. 217—271) — словосложение, эксплицитное и имплицитное словопроизводство, префиксация; для наречия (стр. 271—297), к которому не отнесены так называемые «качественные» наречия, совпадающие с краткой формой прилагательного, — словосложение, эксплицитное и имплицитное словопроизводство, префиксация. Книга заканчивается списком цитированной специальной литературы, раскрытием сокращений и символов и предметным указателем.

Об основных принципиальных особенностях содержания книги было сказано выше. К ним следует добавить некоторые общие соображения, связанные с построением книги и способом изложения. Безусловно, наиболее полно освещено словообразование существительных, что вполне объяснимо; некоторое недоумение вызывает, однако, краткость части, посвященной глаголу, особенно глагольной префиксации (в разделе, трактующем о собственно префиксах, которые, согласно общему принципу книги, названы «префиксам», «не омонимичными свободным морфемам»). В целом, четыре последние части носят в основном описательный характер. Однако их особенностью (прежде всего, в части, посвященной существительному) является необычайная тщательность изложения, предусматривающего максимальную детализацию. Специально должны быть названы разделы, содержащие подробную трактовку: словообразовательной формы и слогового состава компонентов сложных существительных; сложных существительных иноязычного происхождения; сложных существительных — собственных имен; «мутационных» суффиксов существительных, т. е. суффиксов, выражающих биологический род при основах, обозначающих другой биологический род; особых типов окказиональных сложных глаголов, встречаемых в художественной, а также в технической литературе; синонимии и антонимии словообразовательных средств в составе отдельных частей речи. Особый интерес представляет перечень и анализ иноязычных суффиксов и префиксов существительных, прилагательных и глаголов. Безусловно, многие из перечисленных словообразовательных явлений современного немецкого языка описаны в специальной литературе впервые.

В целом рецензируемая книга заслуживает высокой оценки. Предназначенная, как то указано в предисловии, для ис-

пользования в качестве учебника в специальных учебных заведениях и пособиях для учителей немецкого языка, она, по подноте освещаемого в ней материала и по ряду поставленных в ней проблем, переходит за пределы своего назначения и должна вызвать интерес в кругах науч-

ных работников-германистов. Высказанные мною выше некоторые возражения и сомнения не умаляют ценности книги, а свидетельствуют о том, что ее содержание может стать предметом интересных дискуссий.

М. Д. Степанова

J. Cohen. Structure du langage poétique.—Paris, Flammarion, 1966. 233 стр.

Возможности и целесообразность лингвистического изучения художественных произведений давно уже не вызывают возражений; исследователей в настоящее время интересуют практические результаты, которые оно дает.

Основная задача содержательной работы Ж. Козна — определить формальные признаки поэтической речи, отличающие ее от прозы. Поскольку художественный стиль — явление индивидуальное, автор при выделении понятия поэтической речи исходит из своеобразного понимания стилистического инварианта. Язык прозы рассматривается как норма, а поэтическая речь на этом фоне выступает как сдвиг.

Выделяя два основных уровня художественной структуры — фонический и семантический, Ж. Козн считает, что в первом из них таким отклонением оказывается версификация, во втором — закон семантических отклонений, не столь строгий и определенный. В качестве прозаического фона для выделения характерных признаков поэтической речи автор выбирает прозу научную, в которой экспрессивно-стилистический сдвиг минимален. Различие же между художественной прозой и поэзией скорее количественное, чем качественное.

Выделение признаков поэтической речи позволяет устанавливать и формально проверять своеобразие поэзии в разные периоды литературного развития. С этой целью обследованию подвергаются особенности поэтического стиля трех периодов — классицизма (Корнель, Расин, Мольер), романтизма (Ламартин, Гюго, Вильи), символизма (Рембо, Верлен, Малларме).

Устанавливая соотношение поэтики, лингвистики и статистики, Козн отмечает, что стилистика — наука о лингвистических отклонениях — при использовании методов статистики — науки общего отклонения — должна охарактеризовать факт, прежде чем его измерить, так как не всякое отклонение стилистически значимо. Статистика не метод открытия. Поэтика заимствует методы лингвистического анализа, но отличается от лингвистики тем, что исследует не вообще язык, а одну из его специфических форм. Структура поэтического смысла разрушается при переходе от поэтической формулы к ее прозаическому переводу. Перевод со-

храняет субстанцию смысла, но теряет форму. Выражение актуализирует поэтический потенциал содержания.

В отличие от традиционной, структурная поэтика предполагает «более высокую степень формализации стилистического анализа» (стр. 50). Структурная поэтика ищет форму формы, общий поэтический оператор, при котором любая фигура оказывается частным проявлением его возможностей в зависимости от лингвистической функции и уровня, на котором этот оператор ее актуализирует. Если в прозе семантическое членение текста дублируется членением фонетическим, то в поэзии появляются еще и метрическое. Соотношение между этими формами членения поэтического текста меняется. Так, у классиков синтаксическое и метрическое членение обычно совпадают, у романтиков возможен перенос, разрыв самостоятельных единиц (правда, только до известных пределов: не могло быть, например, отрыва служебных слов от знаменательных); у символистов оказывается возможным даже отрыв артикля от имени, как у Верлена:

Et je m'en vais
Au vent mauvais
Qui m'emporte
De çà de là
Pareil à la
Feuille morte.

Или у Малларме:

A toutes jambes, Facteur, chez l'
Editeur de la décadence.

В этом отношении показательна статистика: подобных метрических пауз у классиков — 14%, у романтиков — 19%, у символистов — 39%. Непрекращающееся увеличение разрыва между метром и синтаксисом — такова тенденция.

Ж. Козн пишет, что здесь отражается общая закономерность — стремление поэзии к аграмматизму, к омофонии, к разрушению надежности информации, что проявляется и в функции метра, ритма, рифмы, звуковых повторов, аллитераций и т. п., идентифицирующих семантически далекие понятия. Именно в этом смысле «фигур», а не в так называемой музыкальности, экспрессивности и т. п. Норма сти-